

Дворянское обучение за границей в первой четверти XVIII в.

С. И. Пудина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассмотрены основные требования государства, предъявляемые привилегированному сословию в области образования в первой четверти XVIII в. Выявлены преимущества и главное значение получения образования в Западной Европе, а также основные достижения представителей дворянства в применении новых знаний. Приведены причины негативного отношения знатных дворян к принуждению учиться в чужой стране. Отмечено, что получение образования за границей было одним из важнейших составляющих карьерного роста дворянского сословия.

Ключевые слова: дворянское сословие; обучение за границей; недовольство аристократии; кораблестроение; навигатор; петровское время.

В условиях недостатка кадров и учебных заведений в конце XVII в. Петр I решает образовательную проблему, отправляя дворянских детей на учебу за границу. Путешествие по Европе имело образовательное значение для учащихся: они могли, как отмечал П. А. Толстой, «для обучения посмотреть другие государства <...> могли видеть, какие сильные корни пустила наука в жизнь» [1, с. 607].

Рассмотрим отношение дворянского сословия к обучению за границей. Эта общая мера была введена в 1697 г. и стала главным способом получения образования до 1715 г. Часть московской аристократии, сохранившая приверженность к старине, враждебно относилась к обучению за границей. Не останавливаясь перед недовольством аристократии, Петр I отправляет в Голландию, Англию и Италию придворных, комнатных стольников из знатных фамилий, изучать навигацию и кораблестроение. После удавшейся первой попытки Петр продолжает посылать дворянских

недорослей, партиями по 40—50 человек, для обучения в Голландию, Англию, Францию, Италию [7, л. 60].

Обыкновенно молодых людей направляли за границу с определенной целью — иметь специалистов в области мореходства и кораблестроения. Практика представляла собой несколько лет службы на иностранных судах. В воспоминаниях И. И. Неплюева говорится: «...его царское величество, выбрал для посылки в Венецию (в числе коих находился и я, Неплюев) 30 человек для обучения мореплаванию на галерах да во Францию для обучения мореплаванию на кораблях 20 человек» [8, с. 124].

По данным Э. Кросса, в 1715—1717 гг. в Англию и Голландию было послано около сорока шести человек, «из них треть из дворянских семейств специально в учение к английским и голландским мастерам по всем статьям кораблестроения — по мачтам и парусному вооружению, по изготовлению корабельных пушек, якорей и т. д.» [2, с. 177]. В конце 1716 г. первые русские гардемарины

(63 человека), обучающиеся в Морской академии в Санкт-Петербурге, были отправлены в Венецию, Францию и Англию. Кросс предполагал, что в рассматриваемую эпоху в Англии побывало около 150 человек [2, с. 176].

Гвардия имела значение школы для сухопутных офицеров. Кроме того, сыновья знатных лиц отправлялись в иностранные войска к выдающимся полководцам. Так, князь А. И. Репнин в 1717 г. писал государю: «Дети мои, князь Василий и князь Юрий, отправлены в цесарскую армию для искусства к князю Евгению Савойскому, и я, вступая в долг, послал к ним 800 червонных; они в Вене жили, а теперь в обозе живут непотребно со всяким непостоянством, и те все деньги и посланные мною еще 300 червонных прожили и много долгу еще нажили, которого и заплатить не могу, потому что до сих пор они уже стоят 15 000 рублей, из которых с семь тысяч взято мною в долг, кроме того, что они беспутным своим житьем наделали долгов. И для того со слезами рабски прошу ваше царское величество да повелит мне дать указ, чтоб детей моих взять, для чего послать мне кого-нибудь из офицеров, а они мои дети, будут там, в армии, от своего беспутного житья вашему величеству ныне и впредь никакого плода не покажут, только мне вечный стыд и разорение и несносная к старости печаль» [7, л. 404—405].

Многим дворянам не по душе было обучение их детей в чужой стране. Здесь особенно сильно сказывалось представление, что все иноземное, иноверческое — зло. Для примера приведем историю с двумя сыновьями известного военачальника петровского времени, князя А. И. Репнина. Поведение сыновей за границей доводило князя до отчаяния. «Печаль ево, — писал хлопотавший о Репнине

князь Василий Владимирович Долгоруков, — непотребное житье детей ево, о чем вам известно». Суть просьбы Долгорукова: «И я вас, моего государя и друга, прошу о сем, изыскав час, благополучно о сем доложи его величеству, чтоб с ним сотворил высокую милость, избавил бы от той несносной печали» [3, с. 132].

Василий Головин, направленный для обучения навигации в Голландию, оставил после себя заметки под названием «Записки бедной и суетной жизни», в которых рассказал, что Петр I в 1712 г. отправил «за море для морской навигационной науки» недорослей дворян, и прибавил: «в числе их за море и я, грешник, в первое несчастье определен» [9, с. 546].

Богатые дворяне, имевшие до 100 и более крестьянских дворов, содержались за границей за свой счет, остальные получали стипендию из Адмиралтейского приказа. Вот что по этому поводу сообщает дворянин И. И. Неплюев: в Тулоне «жалованья дается им на месяц по 3 ефимка; а ежели кто согрешит, в штраф сажают в тюрьму, по рассмотрению вины, за большую вину на полгода на один хлеб и воду, и никого в тюрьму не пуцают». Двое молодых людей, посланных в Париж в 1716 и 1717 гг., жаловались на нищету: вдвоем они не имели даже одного эку в день [8, с. 130].

Часто обучению мешала лень, а также беспутное поведение. Жизнь за границей на казенный счет для будущих навигаторов была трудным испытанием. Пребывание на чужбине осложнялось незнанием языка. Отсюда попытки поскорее вернуться на родину, которые Петр I сурово пресекал [4, с. 276].

В Западной Европе некоторые русские молодые дворяне, вырвавшись на свободу, позволяли себе непристойное поведение. В августе 1717 г. Конон

Зотов писал царю: «Господин маршал д Этре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамных поступках наших гардемарин в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такую бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради обобрали у них шпаги». В сентябре 1717 г. новое письмо: «Гардемарин Глебов поколол шпагою гардемарина Бярятинского и за то за арестом обретається. Господин вице-адмирал не знает, как их приказать содержать, ибо у них (французов) таких случаев никогда не бывает, хотя и колются, только честно на поединках лицом к лицу. Они же ныне по миру скитаются» [7, л. 526—527].

Навигаторы оставались за границей по пять-шесть лет в зависимости от успехов в учебе. В 1714 г. указом Адмиралтейства было объявлено, чтобы навигаторы, пробывшие за границей пять и более лет и прошедшие практику, возвращались в Россию. Проверка их знаний проходила в присутствии царя: «Я хочу их сам увидеть на практике» [8, с. 128]. Если знания дворянина удовлетворяли государя, то он не скупился на похвалу и жаловал чины. Так случилось после экзамена, учиненного И. И. Неплюеву: «И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики в морские» [8, с. 135]. В случае неудовлетворительных ответов навигатора переводили в матросы [9, с. 546].

Адмирал Ф. М. Апраксин писал в 1713 г. своему племяннику А. П. Апраксину, чтобы он и не думал возвращаться домой, пока не «познает науку морскую от кия до вымпела, как надлежит искусному морскому человеку. Которые из товарищей ваших приездом своим и поспешили, оные пожалованы здесь из поручиков в матросы, только из них удержался в прежнем чине один господин Зотов» [9, с. 546].

Обучение за границей оказалось для многих «благороднейших» серьезным испытанием. Князь М. М. Голицын писал своему родственнику: «О житии моем возвещаю, житие пришло мне самое бедственное и трудное... Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке себя трудить, а не принять будет, для того, незнамо учитца языка, не знамо науки... в пунктах или статьях написано господину камисару князю Львову о всей кампании, которые определены навигацкую науку, т. е. мореходства, чтобы были на сухом пути обучались чертежам зимние четыре месяца, а 8 месяцев всегда бы были непрестанно на карале; а еже ти кто сего дела не обучит и за то будет безо всякие пощады превеликое бедство» [5, с. 61].

Среди дворян было немало достойных представителей высшего сословия. Показателен пример с П. А. Толстым, который, будучи в возрасте пятидесяти двух лет, сам просил у Петра I разрешения отправиться в Италию для изучения военно-морского дела. Через два года, в январе 1699 г., Толстой вернулся в Россию, имея свидетельства об изученных им науках, грамоты, удостоверяющие его познания в мореходстве [4, с. 151].

Чарльз Витворт в 1708 г. просит у статс-секретаря внимания к Ивану и Александру Нарышкиным, отъезжающим в Англию учиться: «Они очень молоды: старшему не более четырнадцати, младшему не более восьми лет; но оба говорят по латыни и отличаются умением держаться скромно, прекрасно не по летам и не по обычаю своей родины. Они предполагают прожить в Англии довольно долго для обучения, и всякое внимание, которое вы окажете им при случае, будет — я уверен — оценено их родственниками с признательностью и окажется полезным интересам Англии и в настоящем и в будущем» [3, с. 135].

Спустя долгие годы, в феврале 1721 г., Нарышкины доложили Адмиралтейской коллегии о завершении своего заграничного путешествия. В решении Коллегии записано: «Слушав господ Александра и Ивана Нарышкиных доношения — приговорили: по свидетельству данных им всех патентов от 709 до 715 году месяца февраля и всех их патентов и аттестации свидетельствуют равно, что вышеписанные господа служили в разных командах в морской военной службе... в небытность порутчика, отправляли за порутчика дело и всегда содержали себя во благих и честных и благоприятных поступках, и во всякой трезвости. И по экиминации Адмиралтейской коллегии признаваем быть порутчиками. И от 1715 года в марте месяце до 1721 года путь свой имели лутчими италианскими городами, арсеналами, где воинским делам обучались возможно; также во Франции пребывали; в Бресте 18 месяцев, где главный морской магазейн и флоты состоят всегда...» [3, с. 135].

Положительный отзыв был дан также И. И. Неплюеву, проходившему обучение в Венеции: «Господин Иван Неплюев, один от дворян московских, во всем показал себя в науке галерного мореплавания способным и искусным» [8, с. 131].

Князь Б. И. Куракин с благодарностью вспоминает свои заграничные путешествия, благодаря которым он получил бесценные знания и возможность применить их во благо Отечества на дипломатическом поприще [10, с. 245].

Ученики русских школ, изучающие за границей языки, затем с успехом переводили иностранные книги. Многие, освоившие навигаторское искусство, становились достойными моряками русского флота. Приобретение профессиональных знаний за границей имело для русских людей важное общеобразовательное значение. Жизнь

за границей наиболее содействовала сближению с Западом русского служилого дворянства.

Вместе с тем многие дворяне расценивали обучение за границей как несчастье. Сказывалось воспитание в духе прошлого времени, когда все заграничное воспринималось чужеродным. Притом нужно было приложить немало усилий, чтобы познать науку в другой стране. По этим причинам принуждение знатных дворян к заграничному образованию вызывало у большинства из них крайнее раздражение.

Петр I всячески старался поощрять дворян, какого бы звания они ни были, жаловал им новые должности или, напротив, запрещал давать разного рода преимущества и награды тем, кто не оправдал его надежд. Так, за усердие в учебе и распорядительность Петр I назначил М. П. Аврамова «ведать Оружейную канцелярию “общее” с Санкт-Петербургской типографией» [7, л. 212]. «И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики в морские, галерного флота», — пишет Аврамов [8, с. 419].

Вместе с тем не имеющим аттестата об окончании школы запрещено было жениться: «Без свидетельственных писем женится их не допускать и венечных памятей не давать».

Во флоте и на адмиралтейской верфи награждались морские служители, которые были «знающими в морском хождении и тщательными в произведении своего дела паче других». Присвоение первых чинов для всех моряков требовало наличия опыта морской службы не менее пяти-шести лет, а приобретение чина офицера и других чинов не допускалось, по закону, без специальных знаний навигации и артиллерии, относящихся к известной должности [11, т. 3, № 3485].

Подведем итог: отношение дворянского сословия к обучению за границей было неоднозначным. Большинство дворян получали бесценные знания, не обращая внимания на тяготы жизни на чужбине, и применяли их на практике во благо Отечества. Однако для других представителей привилегированного сословия такое образование явилось сущим несчастьем, с которым приходилось мириться, выполняя волю государя. В целом обучение за границей давало русскому дворянству бесценный опыт.

Литература и источники

Литература

1. **Соколовский И. В.** Петр Великий как воспитатель и учитель народа / [Соч.] И. В. Соколовского // Ученые записки императорского Казанского университета. Год XL. Казань, 1873. С. 515—633, 761—820.
2. **Кросс Э.** У Темзских берегов: россияне в Британии в XVIII в. СПб.: Гуманитарн. агентство «Акад. проект», 1996. 388 с. (Современная западная русистика).
3. **Пудина С. И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. 28 с.

4. **Павленко Н. И.** Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975. 384 с.

5. **Калачев Н.** Архив историко-юридических сведений, относящихся до России: в 6 кн. / [Ред. и] изд. Николаем Калачовым. Кн. 2, половина 2-я. М.: Тип. Александра Семена, 1854. 544 с.

6. **Павленко Н. И.** Птенцы гнезда Петрова: монография. М.: Мысль, 1994. 398 с.

Источники

7. РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 32.

8. **Неплюев И. И.** Записки Ивана Ивановича Неплюева. (1693—1773): новое полное издание, с примечаниями. СПб.: [б. в.], 1893. 197 с.

9. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1: Январь — июнь 1712 г. М.: Наука, 1975. 589 с.

10. **Куракин Б. И.** Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная. 1676 июля/20 1709 // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 241—287.

11. Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Т. III — VII. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права (ИРГиП) МИЭТ.

E-mail: pudina@bk.ru